

Инвектива: концептуальный анализ

Актуальность работы связана с теми современными социолингвистическими исследованиями, которые занимаются проблемой инвективизации литературного языка. Большая часть инвективы засоряет литературный язык, мешает выполнять коммуникативную функцию, оказывает влияние на мировоззрение носителей языка, прививая нормы некодифицированной коммуникации, поэтому использование инвективной лексики в литературном языке нежелательно. Одним из средств борьбы с проникновением инвективы в литературном языке является их всестороннее изучение.

Сегодня в научной литературе используется целый терминологический комплекс, описывающий данное явление: жаргон, арго, сленг, мат, обценная лексика, инвектива и др.

Е.А. Рубцова [4. С. 7] отмечает, что понятия «арго», «жаргон» и «сленг» в лингвистическом плане отражают разные элементы национальной языковой структуры – они рассматриваются как статусные определения: специфического языка социально-культурных низов общества, используемого в ситуациях преднамеренного игнорирования норм литературного языка – арго; специфического языка лиц, объединенных общностью интересов либо профессий – жаргон; специфического состава лексических единиц языка определенных субкультур в сфере неформального общения – сленг.

«Матерная инвектива или попросту мат – это средство профанного начала. Мат и возник, и используется как потребность

противопоставить сакральное (т.е. возвышенное, священное, заветное) профанному (т.е. земному, грубому, вульгарному, дурацкому)» [1. С. 14].

В.И. Жельвис под «инвективой» предлагает объединить все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии, понимая это слово широко, не только как «выпад против кого-л.», но и как употребление любого слова, которое может восприниматься в бранном смысле и может быть направлено как на другого человека, так и на самого говорящего [2. С. 75].

Самая основная функция инвективы, от которой производны все остальные, – это инвектива как средство выражения земного, профанного начала, противопоставленного началу священному, сакральному [1. С. 9].

Профанная функция инвективы естественным образом предоставляет возможность катарсиса. Таким образом, вторая функция инвективы – катартическая, то есть возможность получить с ее помощью психологическое облегчение [3. С. 109]. Дальнейшие функции инвективы исключительно носят коммуникативный характер. С более подробной функциональной классификацией инвективы можно познакомиться в работах В.И. Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема» и В.А. Блинова, Ф.А. Шевелева «Русский народный мат: Толковый словарь».

Отсюда можно выделить два разряда инвективной лексики [1. С. 15]:

1. прореактивная лексика (прореактива – размножение) – эротический мат.

2. скатологическая лексика. Скатологизм – грубое выражение, имеющее отношение к названию экскрементов и процессу их выделения (то же, что копрологизм).

Одной из особенностей нравственности древнего человека было убеждение, что от него требуется посильная помощь в деле творения. Такая помощь рассматривалась как величайшая миссия, наиболее значительное деяние индивида как члена социальной группы, как священный (сакральный) акт. Понимание этого обстоятельства необходимо для объяснения возникновения и развития значительной части инвективного вокабуляра, поскольку первоначально соответствующие наименования несомненно входили в состав нейтрального или даже сакрального словаря.

Рассмотрим в очень сжатом виде процесс превращения священных понятий в обыденные. В Средние века возникает и пышным цветом расцветает самая изощренная инвективизация речи. По афористически блестящей формулировке М. М. Бахтина, для Средневековья характерен «безмерный разрыв между словом и телом» [3. С. 75], когда религия воспевала победу духа над телом, отрицала и поносила тело как нечто противоречащее святым идеалам, мешающее их воплощению.

В сущности, карнавальное мироощущение, в квинтэссенции, есть невозможность физического контакта и необходимость вербализации, словесного выражения естественных желаний. В психологическом плане инвектива оказывается тесно связанной с понятиями общечеловеческих табу и катарсиса как средства снятия психологического напряжения. Катарсис достигается за счет сознательного нарушения социальных запретов-табу с помощью инвективного словоупотребления и создания таким путем особой атмосферы всеобщей карнавальной вовлеченности.

Таким образом, «карнавальный подход» в объяснении зарождения, развития и функционирования инвективной лексики опирается на оппозицию «божественное – профанное», из которой следует, почему именно эти лексические единицы оказались табуированными

Тотальность философского дискурса проблема самоопределения современной философии.

(тысячелетия существовавшее язычество начинает вытесняться монотеистической религией). Это влечет разную степень табуированности лексических единиц.

Однако, данный подход нельзя считать исчерпывающим. Во-первых, получается так, что до появления христианства инвективной лексики не существовало. По Б.А. Успенскому, в работе «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» [5. С. 53 – 158] матерная брань связана с культом земли и мифологией пса; в основе матерной брани лежит образ пса, оскверняющего землю. Функциональная нагрузка такой лексики диалектична: культ язычества и высмеивание язычества в пользу христианства; проклятие и оберег от злых языческих духов; адаптация к культуре и успешное вживание в среду. Таким образом, матерная брань на Руси появилась задолго до принятия христианства.

Во-вторых, объясняется функционирование инвективы лишь в рамках европейской христианской цивилизации, не затрагивая мусульманский мир и восточные страны.

В-третьих, трактовка инвективы как словесной/вербальной агрессии требует рассмотрения данного феномена с точки зрения психологии и эволюции человека. Это поможет понять зарождение и генезис инвективы с момента появления человека.

Психологическая концепция рассматривает феномен инвективы не как филологическое явление, а как явление психологическое. Как мы уже отмечали ранее, под «инвективой» предлагается объединить все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии. А термины «неприязнь» и «агрессия» из области психологии.

Основные положения:

– инвектива – эволюционная форма агрессии, специфичная исключительно роду человеческому;

– основная функция инвективы – создание оптимальных условий коммуникации для инвектума через обрушение общепринятых норм [7];

– носителями инвективы являются индивиды, отмечающие и закрепляющие эмоциональный заряд бранной лексики через порицание/наказание лиц, впервые приобщающихся к сквернословию [6];

– феномен инвективы культуроспецифичен, поэтому может считаться критерием определения принадлежности индивида к определенной культуре [6];

– лексический состав бранного словаря на 80% остается неизменным на протяжении как минимум 20 лет [8];

– нет однозначных данных относительно гендерной специфики использования инвективы [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что как классическая, так и психологическая концепции понимания инвективы имеют свои возможности и границы в объяснении данного феномена, но ни одна из них не может претендовать на всеобъемлющее описание инвективы.

Список литературы:

1. Блинов В.А., Шевелев Ф.А. Русский народный мат: Толковый словарь. Екатеринбург, 2002.
2. Жельвис В.И. Грубость: проблема классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. М., Кострома, 2008.

3. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
4. Рубцова Е.А. Лингвокультурологический анализ молодежного сленга начала XXI века (на материале печатных СМИ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2009.
5. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994.
6. Jay T. The utility and ubiquity of taboo words // *Perspective on psychological science*, Vol. 4 (2).
7. Jay T. *Why We Curse: A neuro-psycho-social theory of speech*. Philadelphia, 1999.
8. Mehl M., Pennebaker J. The sounds of social life: A psychometric analysis of student's daily social environments and natural conversations // *Journal of personality and Social psychology*, 84.
9. Thelwall M. *Fk yea I swear: cursing and gender in a corpus of MySpace pages* // *Corpora*, 3.